

ВАЛЕРИЙ СЕРГЕЕВ
ВИКТОР ХОРОШУЛИН

Люди и тени

Тайна подземелий Кёнигсберга

Виктор Хорошулин

**Люди и тени. Тайна
подземелий Кёнигсберга**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Хорошулин В.

Люди и тени. Тайна подземелий Кёнигсберга /
В. Хорошулин — «Мультимедийное издательство
Стрельбицкого»,

Авторы приглашают своих читателей на очередное свидание с родным Калининградом-Кёнигсбергом и предлагают по-иному взглянуть на некоторые известные исторические события. Героям книги противостоят коварные и жестокие средневековые тваринелюди – неуязвимые и бездушные существа. Кто они, когда и как появились в городе? Средство для их уничтожения пытается создать профессор Арсентий Ледовской.

© Хорошулин В.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ОТ АВТОРОВ	5
ПРОЛОГ	7
ЧАСТЬ I. Странные люди при дворе герцога Альбрехта	10
Глава 1. Беседа старых друзей возле Замкового пруда	11
Глава 2. Размышления доктора Волькенштайна	17
Глава 3. «Диагнозы» доктора Волькенштайна	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Виктор Хорошулин, Валерий Сергеев

Люди и тени. Тайна подземелий Кёнигсберга

ЛЮДИ И ТЕНИ

ТАЙНА ПОДЗЕМЕЛИЙ КЁНИГСБЕРГА

ОТ АВТОРОВ

Славится древними легендами наш Калининград, бывший Кёнигсберг. Любят жители свой город, ценят его богатую историю, только сам он продолжает упорно хранить множество тайн и загадок...

Однако, какими бы невероятными и неправдоподобными ни показались вам описываемые события, заверяем читателей, что авторы не ставили перед собой задачу написать исключительно фантастический роман. Данная книга – интересное и вполне научное исследование на тему создания синтетического человеческого организма и искусственного интеллекта. Мы попытались аргументировано доказать, что «производство» гуманоидов, андроидов и киборгов вполне возможно с научной точки зрения, ведь работы по выращиванию живых тканей и органов с целью их трансплантации ведутся уже давно и весьма успешно. Так что сенсационного прорыва в биоинженерии следует ожидать в самое ближайшее время...

Наряду с этим мы хотели показать, к каким несчастьям может привести подобное открытие и насколько серьёзные нравственные проблемы возникают в ходе реализации данного проекта. Таким образом, нами был заготовлен не только увлекательный сюжет со средневековыми тайнами и интригами, но и приглашение читателям поразмыслить о главных во все времена человеческих ценностях: любви и дружбе, чести и совести, доброте и порядочности. Ведь как часто, глядя на то, что творят некоторые «особи» одного с нами рода и вида, невольно задаёшься вопросом: а люди ли они? Могут ли считаться таковыми те, кто отдаёт или беспрекословно выполняет преступные и антигуманные приказы? А вдруг это – созданные «в пробирке» существа без сердца и души?

В первой части книги описаны реальные исторические события: появление в Кёнигсберге XVI века при дворе герцога Альбрехта Бранденбургского нового фаворита – молодого и талантливого авантюриста по имени Пауль Скалих, а также обстоятельства средневекового «дела врачей», пытавшихся, в целях захвата власти, объявить малолетнего наследника престола Альбрехта Фридриха умалишённым и неспособным к управлению герцогством. Мы предположили, что за всеми дворцовыми интригами стояло загадочное Братство Вечности и зловещие гомункулы, искусственно выращенные в подземельях Королевского Замка. Множество таинственных, страшных ритуалов и ужасных преступлений сопровождали данное действо, и беда непременно наступала всех, кто пытался проникнуть в эту тайну...

Борьба со злыми и неуязвимыми существами, начавшаяся в средневековом Кёнигсберге, перекидывается в наше с вами время. Не удивляйтесь, но бездушные и жестокие гомункулы никуда не делись. Они – вокруг нас и продолжают реализацию своей коварной и разрушительной программы... Может ли такое случиться в действительности? Авторы убеждены, что – да! Поэтому есть отчего разволноваться и о чем задуматься. Требу-

ется срочно найти выход из сложившейся ситуации и навсегда покончить с бессмертными тварями. Только о том, что же предприняли герои данной истории – читайте в самой книге.

ПРОЛОГ

– Сунцов, да по твоим протоколам можно фильмы ужасов снимать! – Начальник «убойного» отдела, майор Ушаков, насадил на переносицу очки в позолоченной оправе и постучал желтым от курева пальцем по измятым листам бумаги, скрепленным степлером. – Как же ты любишь красивенькие обороты, художественные образы и дурацкие аллегории!.. Признаться, коллега, где ты черпаешь вдохновение, ведь работаешь с трупами? Уж не принимаешь ли, случайно, грамм сто «допинга», перед тем, как писать очередной отчет?

– Я не пью, товарищ майор, и этой ночью тоже был абсолютно трезв, просто немного перенервничал и устал... – невозмутимо отвечал уже привычный к подобным подначкам молодой следователь. – Ведь нас вызвали на место происшествия в три часа ночи... Если помните, тогда была ужасная гроза!

– Кто вызвал? – майор раскрыл серебряный портсигар и вытянул оттуда сигарету. Изучаяще посмотрел на неё, аккуратно сунул в рот, щёлкнул зажигалкой.

– Наряд патрульно-постовой службы, а им позвонила дежурная сестричка из терапевтического отделения клиники: ей, видите ли, померещилось, что какой-то голый мужичок в окошко заглядывает. Когда наряд прибыл на место, то эксгибициониста, конечно, давно и след простыл, но при обходе территории ребята и обнаружили весь этот ужас...

Перед глазами молодого человека вновь промелькнуло всё увиденное им прошлой ночью. Он невольно поёжился.

– Свидетелей опросили? – Ушаков снова углубился в чтение отчёта, пытаясь найти в нём нечто, отличающееся от «фильма ужасов».

– Да там, откровенно говоря, опрашивать некого: персонал и больные спали в своих корпусах, ничего не видели и не слышали. Ведь морг расположен на отшибе, с отдельным въездом, а в нём самом нашли только три старых и один свежий труп, – отчеканил следователь.

– Интересно, как же ты их различал? – вновь с неприкрытой издёвкой спросил начальник. – По запаху?

– Никак нет, по внешнему виду и характеру повреждений... Умершие, которых накануне из своих квартир доставили, все с бирочками, голенькие и аккуратные, а убитый – в медицинском халате и изодранный в клочья... Видели бы вы, сколько там кровищи, даже на потолке! Я все это указал в протоколе и сфотографировал... И самое странное... Ещё одно тело... то, которое, судя по всему, вскрывал врач... оно пропало...

– Как это пропало? Убежало что ли? – майор в упор взглянул на молодого коллегу.

– Вообще-то на кафельном полу есть отпечатки следов босых ног, ведущие к выходу...

– Ты хочешь сказать, что мертвец после вскрытия встал и ушел? Слушай, Сунцов, увольняйся к чёртовой матери из органов и ступай в юмористы! Там от тебя толку будет больше... – Ушаков никак не мог взять в толк, издевается ли над ним молодой специалист или они действительно столкнулись с чем-то необычным. Это чрезвычайно раздражало и удручало его.

– Конечно же, мёртвые не ходят... – флегматично рассуждал Сунцов, – Скорее всего, следы преступника, когда он входил в прозекторскую, просто не сохранились, а вот, когда он, убегая, наступил в лужу крови – остались...

– Но почему он был босым?

– Не могу знать... Но вдруг это все-таки тот человек, которого попытались вскрыть? Может, от боли очнулся... Я как-то читал в одной книжке...

– А почему ты решил, что прозектор кого-то вскрывал?

– Вот с этим все просто: есть журнал регистрации, в котором оформлено четыре трупа, а еще нам повезло... среди прочих вещдоков мной изъят диктофон с аудиозаписью вскрытия. На мой взгляд, в нём много необычного...

– Ну-ну, и что именно? – Майор заёрзал на стуле и носком ботинка принялся отстукивать морзянку, выдавая свое нетерпение.

– В начале записи нет ничего особенного: дата, время... тело неопознанного мужчины, доставленного с ДТП (наезд на пешехода)... на вид тридцати пяти лет, тонкие черные усы и аккуратная бородка... зубы... цвет глаз... зрачки расширены, кожные покровы и слизистые... Короче, прекрасный словесный портрет... Но затем начинаются странности... Это лучше послушать в оригинале...

Сунцов вынул из кармана миниатюрный прибор и вручил его шефу. Тот нажал кнопку воспроизведения записи. Монотонно и буднично зашелестел немолодой мужской голос:

«...Судя по многочисленным шрамам, подопечный прожил слишком бурную жизнь. Но на маргинала или уголовного он не похож... Нет ни одной татуировки... Скорее всего – психопат... На левой половине грудной клетки, в четвертом межреберье по средне-ключичной линии, как раз над проекцией сердца, продольный старый рубец длиной четыре с половиной сантиметра... Удивительно... После такого ранения обычный человек не смог бы выжить...

Но почему у него нет сосков? Что за чёрт? Отсутствует *umbilicus*¹!.. Первый раз такое вижу! (далее послышались непонятные шорохи и учащенное, видимо от физической нагрузки, дыхание прозектора)... При вскрытии грудной клетки и брюшной полости отмечается транспозиция внутренних органов (*situs inversus*)»...

– Ты случайно не знаешь что это такое? – Ушаков остановил запись, и впервые обратился к подчиненному, как к своей ровне.

– Я уже заглянул в Интернет, – вставил свои «пять копеек» довольный Сунцов. – Оказалось, это – крайне редкая аномалия. Сам термин имеет значение «перевернутое расположение внутренних органов», называемое еще «зеркальным» или «обратным», и встречается не чаще, чем у одного человека на десятки тысяч. Сердце у таких людей расположено в правой стороне грудной клетки, желудок и селезёнка в правой стороне живота, а печень, желчный пузырь и аппендикс – слева. Лёгкие и кишечник, нервы и сосуды также перевернуты... Причины этого явления – загадка для специалистов. Но существует версия о том, что люди с зеркальным расположением органов обладают уникальными, даже сверхъестественными, способностями...

– ...Сунцов, ты опять за своё? – одёрнул его майор, и вновь включил диктофон. После длительной паузы, сопровождаемой каким-то совсем неаппетитным чавканьем, послышался удивлённый голос прозектора: «Но... я не нахожу у него сердца... Впервые такое встречаю... Не вероятно! Это даже не аномалия! Такого просто не может быть!!!»...

На несколько секунд голос прервался. Затем в полной тишине внезапно раздался оглушительный хлопок.

«...! Чёрт возьми, это же шаровая молния! Она влетела в открытую форточку и едва не убила меня!.. Похоже, её притянуло к себе тело моего пациента! Спасибо тебе, мой полный аномалий дружок, за то, что ты отвёл от меня беду!..»

И ещё через несколько секунд: «Боже, он вздохнул!.. – И далее уже шёпотом, видимо, у врача перехватило дыхание: Что это?... – было слышно, как на кафельный пол посыпались металлические предметы, видимо, инструменты. – Не может быть! Этого не может быть...» Последовало какое-то рычание и пыхтение, звук от падения чего-то тяжёлого и мягкого, удаляющиеся шаги и, наконец, все стихло...

¹ Пупок (лат.).

– Хорошо, протокол покажем экспертам... – Ушаков снял очки, провел ладонью по уставшим глазам и обратился к подчиненному:

– Итак, отбрасывая в сторону «оживший» труп без сердца с ненормальным расположением органов... мы имеем дело с пропажей этого самого трупа и убийством свидетеля... Но кто он и куда мог деться? И что это за человек, который голышом разгуливал по больничному парку?... Ты что-нибудь понимаешь, Коля?

Сунцов пожал плечами. На некоторое время в кабинете повисла тревожная пауза. Настойчиво жужжал вентилятор, пытаясь пропихнуть потоки воздуха сквозь застывшее в ожидании прокуренное пространство. Майор затушил сигарету о пепельницу и швырнул очки на исписанные листы. Поднялся из-за стола.

– Итак, – потеранным голосом произнёс Ушаков. – Какие у нас есть версии случившегося?

– Я считаю, что данное тяжкое преступление совершено с целью сокрытия какого-то другого преступления... А, учитывая...

– Стоп! – рука майора вновь потянулась к портсигару. – Вот это, Коля, – кивок в сторону диктофона, – мы приобщать к делу не будем... Вдруг у доктора случились галлюцинации... Ну, там каких-нибудь поганок ему в чай подсыпали... Ведь такое могло быть?

– В принципе, да...

– Я тоже так думаю... Может произойти так, что в журнале что-то напутано? Сам доктор и напутал... Нездоров он был на момент вскрытия, понимаешь? – Ушаков покрутил пальцем у виска. – Тогда всё встаёт на свои места! Никакого трупа не было, никаких шаровых молний и странных патологий – тем более... Хорошо бы для начала расспросить о нём коллег.

Майор вышел из-за стола и вплотную приблизился к молодому сотруднику.

– Если мы вынесем весь этот бред за пределы нашего кабинета, Николай, нам самим обеспечена психушка. Надеюсь, ты меня правильно понял...

– Да, конечно...

– Так значит, что мы имеем в сухом остатке? Неизвестного эксгибициониста, ворвавшегося в морг, и напавшего на специалиста-прозектора... Ну, мало ли у нас разных извращенцев, с его поиском мы как-нибудь справимся... Что ты на это скажешь?

Сунцов шмыгнул носом.

– Хороший диктофон, – наконец, выдавил он. – «Сони»...

ЧАСТЬ I. Странные люди при дворе герцога Альбрехта

«Я мог стать сказочно богатым и купаться в роскоши, мои желания исполнялись бы быстро и беспрекословно... Только судьба распорядилась совсем иначе... Но в моей душе нет и тени обиды. Я благодарен Создателю за то, что остался жив и имею возможность радоваться солнцу и растить своих детей...

*Да будет то, что есть, а враги... пусть теперь сами замаливают свои грехи.
Я же их простил...»*

Глава 1. Беседа старых друзей возле Замкового пруда

Начало августа на Самбийском полуострове выдалось совсем не летним. По морскому побережью гуляли штормовые ветра, прилетевшие откуда-то из Швеции, они подняли высокую волну и заполнили небо лохмотьями грязных туч. Не по сезону затяжные и холодные дожди уже целую неделю нагоняли тоску на жителей Кёнигсберга.

Вечером, 8 августа 1564 года, пользуясь временным затишьем в разбушевавшейся непогоде, вдоль северного крыла Королевского замка, оживлённо беседуя, прогуливались два человека. Были они довольно важными персонами, поскольку сам комендант Замка барон Отто фон Трейт лично расставил караулы, дабы жители Замковой слободы, иногда слоняющиеся здесь по делу или без оно, не могли помешать непринуждённой беседе этих знатных господ.

Даже издали было заметно, что собеседники – люди весьма почтенного возраста. Мужчина, выглядевший старше и солиднее, видимо, сильнее страдал от пронизывающего северного ветра. На его широких плечах (очевидно, из-за опасений получить простуду) красовалось тёмное шаубе, под которым скрывалась короткая куртка. Длинные узкие штаны и высокие сапоги свидетельствовали о том, что данный господин не очень-то увлечён испанскими костюмами, и одет несколько старомодно, что, впрочем, было простительно для его лет. Гордо поднятую голову украшала чёрная широкополая шляпа, с которой довольно своеобразно контрастировала шевелящаяся на ветру ухоженная седая борода. На боку висела шпага-фламберг.

Звали этого господина не иначе как Альбрехт маркграф фон Бранденбург-Ансбахский. Он был первым герцогом Пруссии и последним Великим магистром Тевтонского ордена. На ту пору ему исполнилось 74 года.

Его сопровождал доктор Томас Волькенштайн, врач, астролог и хиромант, прибывший из Кракова по личному приглашению герцога. На вид ему было не менее шести десятков лет. Усы, небольшая седеющая бородка и живые пронизательные глаза, обрамленные сеточкой морщин – так выглядел гость герцога. С первого же взгляда на него создавалось впечатление, что снимая перед герцогом головной убор, он никогда «не снимает» свою голову.

Было заметно, что доктор приехал сравнительно недавно, поскольку ещё не сменил туалет и находился в дорожной одежде. На нём хорошо сидела плотная куртка, поверх которой была надета короткая мантия с большими вздутыми рукавами, застёгнутая на груди. Широкие штаны имели продольные полосы. Такими же полосатыми были и чулки. А вот обувь казалась явно подобранной для дальней и утомительной дороги: модным остроносым туфлям прибывший издалека господин предпочёл плоские башмаки типа «коровья морда». Голову Томаса Волькенштайна украшал тёмный берет. На боку висела короткая шпага с плоским клинком и итальянской гардой.

По своему обыкновению, герцог в непринуждённой беседе не утруждал себя правилами придворного этикета. Со своими добрыми знакомыми он общался, не церемонясь, «посвойски»:

– Как я рад, дружище, что ты не пренебрёг моим приглашением и прибыл сюда, хотя тебе наверняка пришлось бросить множество важных дел! Ведь мы не виделись, почитай, три десятка лет!

– Я, ваша светлость, как только получил от вас письмо, не смог сдержать своих чувств...

– Милый друг, не надо «ваших светлостей», называй меня так же, как и я тебя! *Amici vitam ornant!*². – Я часто вспоминаю прежние времена, и гороскоп, который ты составил для меня сорок лет назад! Ты был тогда совсем молод, даже юн... и я сильно сомневался, что предсказание окажется точным и правдивым. Но, время показало, что и в свои двадцать лет ты был уже весьма учёным человеком и настоящим мастером своего дела! – Герцог сделал небольшую паузу, чтобы отдышаться. – Ты предрёк мне долгую жизнь и множество великих свершений... Кто знает, взялся бы я за столь серьёзные, а порой – судьбоносные дела, не будь убеждён, что ко мне благоволит Господь, и звёзды прямо указывают на это!

– И звёзды, и линии на ладони... Но разве можно было предвидеть, насколько ваши свершения окажутся величественны...

Доктор Волькенштайн бросил взгляд на темнеющее неприветливое небо. Герцог заметил это:

– Да, дружище Томас, с погодой нам не повезло. Но это ненадолго, день-два и к нам снова вернётся лето...

В Альтштадте на местной ратуше мелодично пробили башенные часы.

– Ты прав, сделано много доброго, – продолжил герцог. – Пожалуй, единственное, чего мне не удалось достичь, так это – освободить Пруссию от опеки польской короны...

Он задумался, замедлив и так не очень торопливый шаг.

– А я старался это сделать всю свою жизнь... Одно хорошо, что удалось избежать большой войны. Тогда, после перемирия в Торне, я был готов сражаться до конца, но... известные события... напрочь изменили мои помыслы. Воистину, *ad augusta per angusta*³.

Оба вспомнили те давние баталии, когда с 1517 по 1521 год Тевтонский орден воевал с Польшей. Временное перемирие Великий магистр собирался использовать для того, чтобы выпросить помощь у императора, поскольку из самой Пруссии эта война уже вытянула все соки... Но, случилось так, что в этот период Господь свёл Альбрехта Бранденбургского с Филиппом Меланхтоном и Мартином Лютером...

– Я люблю такие вечерние прогулки на свежем воздухе, – признался герцог, отрываясь от воспоминаний. – В последнее время без них мне долго не заснуть. Старость...

Лютер... В беседах с ним, Альбрехт чувствовал, как в глубине его души что-то просыпается и обновляется... Также как луг или сад молодеют и расцветают после теплого майского дождя. Порой начинало казаться, что всю предыдущую жизнь он брёл наугад, блуждал, спотыкаясь в потёмках, или слонялся из одного угла в другой, находясь в тесной и душной келье... И вдруг перед ним распахнулась дверь в совершенно новый мир, яркий и бескрайний. Но, чтобы коренным образом изменить свою жизнь, потребовалось всё его рыцарское мужество...

В ту пору Центральная Европа была охвачена идеей Реформации⁴, поскольку католическая церковь уже в полной мере проявила своё бездушие, лицемерие и кровожадность. Альбрехт тоже стал сторонником «преобразований» и они на долгое время стали ему опорой во всех начинаниях.

Он добился того, что Тевтонский Орден прекратил своё существование. В открытом письме «К рыцарям Немецкого ордена» Альбрехт убедил воинов бросить распутный образ жизни, в котором погрязли многие братья вопреки обету безбрачия, и перейти к истинному целомудрию, а именно – супружескому.

² Друзья украшают жизнь (лат.).

³ Высоких целей достигают, преодолев большие трудности (лат.).

⁴ Широкое религиозное и общественно-политическое движение в Западной Европе XVI- начала XVII века, направленное на реформирование католического христианства в соответствии с Библией.

Словом, рыцари-тевтонцы вскоре стали помещиками-землевладельцами, Пруссия превратилось в светское государство с лютеранским вероисповеданием, а Краковский договор 1525 года утвердил её ленную зависимость от Польши.

Сколько же всего, без преувеличения доброго и славного, было совершено после этих событий! Стараниями Альбрехта Брандербургского крепло и богатело герцогство Пруссия, сглаживались религиозные распри, подавлялись вооружённые конфликты. Строились дома, ширились города, преумножались библиотеки и галереи. Был учреждён Университет, а каждый просвещённый человек стал желанным гостем в Кёнигсберге... Неустанно развивалась торговля с соседними странами. «Давайте жить со всеми народами в равенстве, чтобы не было разобщения между нациями», – таков был призыв герцога Альбрехта к жителям Кёнигсберга и его подлинное жизненное кредо...

Доктор Томас мельком взглянул в лицо герцога, увлечённо рассказывающего о Королевском замке, чьи стены обрамлялись зелёными липами. Время превратило широколицего богатыря с чёрной бородой и насмешливыми глазами в морщинистого старика с нездоровой желтизной кожи и бесцветным взглядом. «Не иначе, колдовство или порча?» – мелькнула невесёлая мысль у старого доктора. Он хорошо разбирался в подобных вопросах и умел ставить правильные диагнозы. Не давала покоя и какая-то недоговоренность со стороны его вельможного друга. В полученном от герцога письме было сказано, что Альбрехт приглашает его отметить двадцатилетие основания Академии или – Университета, как её еще часто называли. Но, что-то подсказывало пожилому врачу, что дело тут в чём-то другом. Так в чём же?

Тем временем, герцог завёл речь о новых замковых пристройках, о залах и галереях, о бесценной Немецкой библиотеке – подлинном сокровище Пруссии.

– Мой почтенный друг, – осмелился обратиться доктор к герцогу, едва тот сделал паузу в разговоре. – Проявляя заботу о Замке и его обитателях, боюсь, вы недостаточно времени уделяете собственному здоровью... Уж простите меня, но врач – всегда и везде врач... Позвольте поинтересоваться, не беспокоит ли вас печень?

Брови герцога поползли вверх.

– Печень? Как ты догадался, дружище? – Альбрехт остановился и пристально взглянул на гостя. – У меня это написано на лице?

– Не совсем так, ваша светлость... Я определил это по окраске склер ваших глаз и форме ушных раковин. – Я бы рекомендовал вам принимать отвар ромашки с чередой, а каждое новолуние поститься в течение трёх дней...

– Вот как, – медленно произнёс герцог. – Мои лейб-медики об этом ничего не говорили...

– И прошу вашу светлость... меньше пить вина. *Abusus in baccho*⁵ – серьёзная помеха здоровью и делам!

– Ха-ха! Вот в этом ты абсолютно прав! *Ebrietas est metropolis omnium vitiorum*!⁶ Но я уже борюсь с этим пороком. Мне в том здорово помогает мой... друг и соратник Пауль Скалих! Слышал ли ты о нём, дружище Томас?

Как не слышать? В Кракове и в Вене только и было разговоров, как об ушлом молодом человеке, хорватском простолюдине, сумевшем приблизиться к герцогу Альбрехту настолько, что тот стал безгранично ему доверять. Говорили, что Скалих не только получил доступ к финансовым делам герцога, но и был способен сместить того или иного советника,

⁵ Злоупотребление вином (лат.).

⁶ Пьянство – столица всех пороков (лат.).

а на его место назначить другого. От Альбрехта он получал и значительное жалование, и поместья в личную собственность, и, разумеется, драгоценности.

– Как же... – доктор дипломатично подбирал подходящие слова, – князь Скала, такой у него титул... талантливый и весьма образованный человек. В восемнадцать лет – уже доктор теологии в университете Болоньи! – Томас внимательно следил за реакцией герцога. Тот улыбался и кивал головой. – Он умён, знает множество иностранных языков, ваш преданный слуга и... советник!

– И это ещё не всё, мой дорогой друг. Пауль Скалих умеет вызывать духов и выводить у них разные тайны. Он довольно молод, ему всего тридцать... Но он уже известный учёный и читает лекции в нашем Университете. Кстати, – герцог махнул рукой в сторону Трагхайма, где среди прочих домов и домишек располагался роскошный особняк, – вон там его резиденция! Позже ты познакомишься с ним поближе и оценишь его... таланты.

«Герцог до сих пор питает пристрастие к разного рода магам, – с грустью подумал доктор. – Не мудрено, что среди них нашёлся тот, кто оказался способен очаровать бедного старика. Не извольте беспокоиться, ваша светлость, уж я присмотрюсь к молодому проходивцу».

Альбрехт между тем рассказал о спиритических сеансах, которые проводил Скалих. С его слов, однажды был вызван дух первой жены герцога, Доротеи. При этом дух «открыл» такие подробности из личной жизни властителя, которые могла знать только она. Герцог не забыл упомянуть и тот факт, что во время проведения одного из таких сеансов ему вдруг стало очень дурно и придворные врачи едва привели его в чувство...

«Действительно, этот Скалих – довольно опасный тип... А добрый Альбрехт, по-видимому, давно уже у него на крючке», – подумал доктор, но спросил следующее:

– А как поживает ваша нынешняя супруга, Анна Мария Брауншвейгская?

– О-о, – герцог улыбнулся. – Анна Мария подарила мне наследника, ему уже одиннадцать! Но сейчас ей скучно в обществе старика, – он улыбнулся ещё шире. – Ведь ей всего тридцать два. Она часто отлучается к себе в Нойхаузен, где проводит время в чтении и беседах с учёными людьми, а также по-своему облагораживает свою резиденцию. Благодарю тебя, дружище Томас, с ней всё в порядке.

«Скалих и Анна Мария?... – мелькнуло в голове у пожилого астролога, – что ж, очень может быть... Оба молодые...» Вопрос же задал такой:

– А как себя чувствует ваш наследник Альбрехт Фридрих?

Видя, как герцог изменился в лице, доктор Волькенштайн понял, что он близок к разгадке мучавшего его вопроса.

– Спустимся к Замковому пруду, – предложил Альбрехт. – И я тебе всё расскажу...

Они изменили направление своего движения и начали постепенно удаляться от северного крыла Замка. Бравые «гвардейцы» фон Трейта, зная обычный маршрут герцога, предусмотрительно заняли новые позиции, ограждая своего правителя от нежелательных встреч.

Ветер дул в лицо, правда, сил у него заметно поубавилось. Оранжевое пятно солнца, едва проглядывающее сквозь растрёпанные тучи, приблизилось к крышам Трагхайма, находящегося на западе от Замкового пруда. Поверхность воды тускло поблёскивала, покрывшись мелкой рябью, словно «гусиной кожей».

– Здесь я любил посидеть с удочкой, – вспомнил герцог, когда оба собеседника приблизились к водоёму. – С обыкновенной ореховой удочкой. А поплавков у меня был из сосновой коры, вощённый... И ловил я... вьюнов.

Они немного помолчали. С обоих берегов пруда, с Трагхайма и Росгартена слышался цокот подков и скрип колёс – народ возвращался с альтштатского рынка. Редкие прохожие,

увидев стражников и важных персон, прогуливающих неподалёку от Королевского замка, тут же удалялись, стараясь не привлекать к себе излишнего внимания охраны.

– Именно о наследнике я и хотел с тобой поговорить, мой друг. Я не могу определённо сказать, насколько серьёзно он болен, да и болен ли вообще... По двору кто-то распускает упорные слухи о том, что Альбрехт Фридрих не в себе, что он слабоумен и даже помешан...

Тяжело вздыхая и часто останавливаясь, тщательно подыскивая нужные выражения, герцог поведал старому другу о своём сыне, несчастном Альбрехте Фридрихе. По его словам, младенца вскармливала кормилица, болеющая сифилисом. Видимо, от этого, а может быть, от перенесённых в раннем детстве простуд, наследник и начал страдать душевной болезнью.

– Мой дорогой друг, то, что я тебе рассказываю, должно остаться тайной. Я не хочу, чтобы подтвердились мои худшие опасения, но и утаивать от тебя ничего не стану...

Итак, герцог Альбрехт страстно желал сына. Анна Мария родила его на четвёртом году их брака. Странности начали проявляться сразу после рождения ребёнка. Он долго не давался в руки, кормить грудью его приходилось довольно своеобразно: кормилица наклонялась над ним, и малыш ловил сосок губами...

– Фридрих до сих пор не терпит ничего прикосновения, даже материнских рук, – тихо говорил герцог Альбрехт, отрешённо глядя куда-то в сторону. – Мальчик очень пуглив: лёгкий хлопок ладонями может вывести его из себя...

Рассказывая эту грустную историю, герцог менялся буквально на глазах, превращаясь в дряхлого старика. Он сообщил о том, что наследник время от времени теряет всякий интерес к жизни, замыкается в себе и может часами сидеть, глядя в одну точку. В эти периоды в его глазах отражается только тоска и страдание. Он не терпит проявлений ласки, а присутствие рядом кого-либо из слуг или членов семьи только раздражает его.

– Итак, – ответил доктор, едва герцог закончил свою горестную речь, – наследник нелюдим и малообщителен... Но слабоумен ли он? Сомневаюсь... Те симптомы, что вы перечислили, свидетельствуют о наличии меланхолии, но её можно попробовать вылечить...

– Придворные лекари утверждают, что он... неспособен ни к учёбе, ни к дальнейшему управлению герцогством... И лекари, и советники. Порой мне кажется, что они ошибаются или умышленно вводят меня в заблуждение... Но, всякий раз обнаруживаются новые факты, которые отменяют напрочь все мои сомнения в его недугах и надежду на исцеление. Мой сын, моя самая великая драгоценность... Порой, мне говорят, что он пошёл на поправку: учит латынь, историю, философию, рассуждает о политике. А потом утверждают, что это были лишь временные прояснения рассудка... Я уже начал подозревать, нет ли среди моих придворных какого-то заговора... Но для чего им так больно ранить любящее отеческое сердце?

Доктор промолчал. На своём веку он повидал и настоящих больных, и мнимых... Поэтому не спешил с ответом.

– Прежде чем что-то сказать, мой достопочтимый друг, я должен осмотреть вашего сына. Но сначала не как врач. Мне нужно понаблюдать за ним со стороны... Кстати, где он сейчас?

– С матерью, в Нойхаузене.

– Это – первое. Затем, мне необходимо оценить обстановку при дворе, почувствовать и разобраться, кто чем дышит. Это – второе...

Герцог пристально взглянул на опытного доктора.

– Оставайся в Замке, дружище! На столько времени, сколько тебе понадобится! Всё, чем я могу помочь, будет к твоим услугам! На днях мы соберём всех приближённых и устроим праздник по случаю двадцатилетия нашей Академии. А моя супруга с сыном пожалуют сюда уже завтра. Ты же смотри, делай выводы и... найди способ мне помочь!

Они подошли к самой воде. С грустью глядя на желтеющие листочки, которые волны полоскали у самого берега, герцог печально произнёс:

– Я сейчас нахожусь в самой крайней точке своего жизненного пути... У обрыва... Сколько лет или дней даст мне ещё Господь? Я уже стар. Но я хочу умереть на процветающей земле, среди верных подданных, окруженный заботой любимой жены и наследника!

Затем на мгновение задумался и добавил:

– Раньше пруд был чище... А сейчас люди настроили по берегам дома и стали сливать в него нечистоты...

– Да, – рассеянно подтвердил доктор Томас. – Город разрастается...

– А выюн... Знаешь ли ты, что это за рыба? Чёрная, ужасно похожая на змею. С хоботками вокруг рта... Схватишь его рукой, а он извивается, даже, порой, пищит! Скользкий и сильный. И в руке его не удержать... Думаешь, вот он, попался, уже никуда не уйдёт! А уж если выюн начнёт извиваться, то не успеешь и глазом моргнуть, как он уже выскользнул из твоих рук... Только и оставит на память, что слизь на ладонях...

«Множество людей считает Королевский замок чуть ли не своим домом. Одни приходят сюда по утрам исполнять служебные обязанности, другие живут здесь постоянно. Но все ли любят его так, как должно любить собственный дом?»

Я думаю, что сюда идут даже те, кто хотел бы бежать от этого Замка как можно дальше, но они приходят, преодолевая свой страх и отвращение...

По-моему, сам Замок воздействует на людей, заставляя их приезжать сюда вновь и вновь. Но иногда мне кажется, что он притягивает к себе не только людей...»

Глава 2. Размышления доктора Волькенштайна

Кёнигсберг начинал строиться с Замка на Королевской горе. История его возведения довольно проста. Тевтонские рыцари, во главе которых стоял чешский король Оттокар II Пржемысл, в погоне за разрозненными отрядами свободолюбивых пруссов, вышли на гору Твангсте, неподалёку от того места, где река Прегель делится на два русла. Оценив стратегические преимущества данной местности, крестоносцы решили основать здесь крепость. Случилось это в самом начале 1255 года. Первые оборонительные сооружения возводились из дерева. Уже в 1260–1262 годах крепость выдержала жесточайшую осаду восставших пруссов. Впоследствии, мятежный народ удалось усмирить, а замок Кёнигсберг продолжил своё развитие, растянувшееся на долгие годы. Его, выложенные уже из камня, стены достигали высоты 10–13 локтей, их ширина составляла 3–4 локтя⁷. Он постоянно перестраивался и расширялся, становясь всё более мощным и неприступным. Но, наступили времена, когда, увы, стены Королевского замка перестали быть надёжной защитой от мощной артиллерии. И тогда он, утратив своё стратегическое значение, постепенно стал превращаться в громадное здание, сочетающее в себе «строгость» крепости и пышность дворца. Во внутренних помещениях Замка стали размещаться самые ценные произведения искусства, включающие полотна великих мастеров, изделия из янтаря, серебра и золота, мраморные скульптуры, ковры и гобелены, роскошное оружие и доспехи, а также книги.

С 1525 года Королевский замок стал официальной резиденцией герцога Альбрехта, первого светского правителя Пруссии. Крепость всё более походила на дворец, а дворцу не нужны казематы, тесные орденские кельи, караульни и узкие бойницы вместо окон. Он нуждался в роскошных залах, в удобных покоях для герцога и членов его семьи, многочисленных помещениях для гостей и прислуги.

Стараясь соответствовать духу своего времени, герцог Альбрехт решил полностью перестроить и украсить Замок. Удлинилось северное крыло, в его восточной части разместились просторные Московитские палаты⁸. В 1525 году было заново возведено западное крыло. В 1532 году на восточной крыле Замка появилась основательная пристройка, названная «Альбрехтсбау». Находилась она в непосредственной близости от широких ворот. На самих воротах красовалась надпись «*Turris Fortissima nomen Domini*»⁹ и личный девиз герцога: «Доброта к верноподданным, но борьба не на жизнь, а на смерть с преступниками – это есть долг правителя».

Замок славился своими подземельями. Многочисленные ходы вели из него на остров Кнайпхоф, в районы Трагхайма, Закхайма, Росгартена и ещё дальше, в разные концы Кёнигсберга. В хитросплетениях подземных лабиринтов могли разобраться лишь весьма сведущие люди.

Доктор Томас Волькенштайн, давно не бывавший в Кёнигсберге, был приятно удивлён свершившимся здесь переменам. Вокруг городов Альтштадт, Лёбенихте и Кнайпхоф, выросли свои пригороды, дома в них были преимущественно кирпичные, а остроконечные крыши покрыты добротной черепицей. Сам Замок порастил его, если не своим великолепием, то тем величественным и пышным видом, который он приобрёл в последние годы. Неудивительно, что, сопровождая доктора по коридорам Замка, герцог кивал то в одну, то в другую сторону:

⁷ 6-8 м и около 2 м соответственно.

⁸ Празднично оформленные покои, в которых Альбрехт I в 1517 году принимал первое русское посольство.

⁹ Твёрдость крепости и есть наш Бог (лат.).

– Здесь трудятся мои мастера. Я хочу соорудить в этом зале роскошную Оружейную палату.

Или:

– Здесь каменщики выкладывают новый камин... А вот это помещение будет расширено... Тут будет пол с подогревом... Эти залы я переоборудую в хранилище скульптур и портретов великих людей...

Ремонт и перестройка внутренних покоев происходили таким образом, чтобы строительные работы как можно меньше докучали их обитателям. Во всех помыслах и действиях герцога Альбрехта чувствовался размах, и доктор мог лишь догадываться о его истинной широте.

Томаса Волькенштайна поселили в небольшую, но довольно уютную комнату, благо, свободных помещений в Замке хватало. Расположена она была в том же крыле, где разместились и покои самого герцога.

В ожидании прибытия наследника и его матери, доктор проводил время в герцогской Немецкой библиотеке, расположенной над воротами Замка. Здесь было собрано, по его мнению, не менее тысячи самых разнообразных книг, фолиантов в деревянных, кожаных и серебряных переплётах. Манускрипты были, в основном, на латыни и греческом. Тут же на полках располагались и недавно отпечатанные в кёнигсбергской типографии томики на немецком, литовском и польском языках. Кроме книг, взятых из монастырей и имеющих привычную, библейскую тематику, здесь были катехизисы Мартина Лютера, которого Альбрехт очень уважал, и книга Николая Коперника «Об обращении небесных тел». С самим учёным герцога Альбрехта связывали давние, и даже дружеские отношения. Хотя, в своё время глава тевтонцев едва не убил Коперника при осаде Эльблонга¹⁰. С удивлением доктор обнаружил среди прочих книг новые издания сочинений Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Любовь к чтению, захватившая герцога ещё в детские годы, со временем вылилась в настоящую страсть к просветительской деятельности. «Это – настоящее богатство! Хвала господу, – думал целитель и хиромант, – что такой человек стал во главе герцогства! Это послужит Пруссии только на пользу!»

Неподалёку от библиотеки был расположен кабинет самого герцога Альбрехта. Туда он не стал приглашать своего старого друга, зато не преминул похвастаться своей недавно отреставрированной спальней.

– Полюбуйся, дружище, работой моего придворного столяра Ганса Вагнера!

Личные покои герцога оказались необычайно красивы. Сама комнатка была весьма скромных размеров, чего не скажешь о камине, который был воистину велик. Стены помещения украшало панно из венгерского ясеня. Резьба по нему была столь вычурна и тонко выполнена, что всё увиденное заставило приезжего врача длительное время простоять с раскрытым в изумлении ртом, к вящему удовольствию хозяина.

Рядом располагалась эркерная комната с гербом, представляющим собой двадцать семь цветных полей. В центре герба прусский орёл держал в когтях серебряную букву S – символ верноподданничества Сигизмунду, польскому королю. «Не за горами тот день, когда Пруссия выйдет из-под польской опеки, – подумал доктор Томас. – И тогда она превратится в сильнейшее европейское государство».

Супруга герцога Альбрехта с принцем появились в Замке только десятого августа. День выдался довольно солнечным и о недавней непогоде напоминали лишь лужи, тут и там

¹⁰ В 1521 году Николай Коперник руководил защитой города от тевтонцев.

поблескивающие на улицах Альтштадта и Лёбенихте. О приезде высоких гостей огласил колокол с донжона¹¹, расположенного внутри замка.

Молодую супругу герцога Анну Марию Брауншвейгскую и его наследника сопровождал, кроме слуг и придворных фрейлин, обычный эскорт: Якоб фон Шверин – учитель принца, философ и мыслитель, духовник наследника и воспитатель Иоганн Функ, а также придворный лейб-медик Симон Титиус. К ним присоединился магистр Кёнигсбергского университета Кристофорум Невиус. Доктора Томаса не удивляло присутствие этих людей. Он уже знал, что герцог Альбрехт разработал для своего сына собственную методику обучения и воспитания. Вышеупомянутые господа практически постоянно находились в обществе наследника.

Среди этих людей довольно почтенного возраста выделялся молодой человек с выхоженным и насмешливым выражением лица, одетый щеголевато, но не вызывающе. «А это и есть Скалих», – догадался доктор Томас.

Добавим сразу: если Анну Марию, наследника и Скалиха доктор узнал сам, то остальных господ ему представил лично герцог Альбрехт. Сделал он это легко и доброжелательно, без лишних церемоний, в свойственной ему манере.

– А это – мой старый и добрый друг, – рекомендовал герцог и самого доктора, – Томас Волькенштайн. Он – известный врач, знаменитый хиромант и астролог. Гороскоп, составленный им для меня сорок лет тому назад, подтвердился полностью!

По-разному восприняли это известие появившиеся в Замке господа. Слегка поклонившись прибывшей свите, доктор тут же уловил флюиды, испускаемые этими людьми. В разнообразном букете эмоций он явственно уловил как любопытство, интерес, безразличие, так безразличие и даже неприкрытую ненависть.

«Отлично, господа, – подумал доктор. – Кое-кто из вас уже боится меня». И попытался уловить, от кого именно исходило это тревожное чувство. Подняв голову и приветливо улыбаясь, он скользил изучающим взглядом по лицам представленных ему господ. Удивительно, но ненависть исходила не от Скалиха. Её источником был лейб-медик Титиус.

Последующие несколько дней Томас Волькенштайн присматривался как к наследнику, так и окружающим его людям, многие из которых были способны (порой, даже не осознавая этого) повлиять на состояние здоровья принца. Значительное психологическое давление могли оказывать и сам Титиус, и капеллан Функ, и даже фон Шверин. Не стоило исключать и других приближённых, особенно Скалиха. Оставалось наблюдать, и делать это, по возможности, незаметно. К тому же, следовало разобраться в самом недуге наследника. Вдруг он на самом деле серьёзно и неизлечимо болен?

Накануне у доктора Волькенштайна состоялся откровенный разговор с герцогом.

– Да... Старость приходит к нам незаметно, – вздохнул Альбрехт. – Сначала думаешь, что тебе почудилось, порой кажется, что ты просто устал... Но увь... Отдохнуть мне теперь хочется даже после отдыха... Это в молодости мы спешим жить и стремимся заглянуть в грядущее. В юности даже год-два – очень большой срок, а теперь для меня и десяток лет – словно вчера...

Мне ничьи предсказания больше не нужны. Ведь будущего у меня почти не осталось, и мне о нём всё давно известно... Моя судьба – это уже написанная и давно прочитанная книга. И перелистывать её грустно. Но страшит не только немощь, дряхлость и забвение... Я очень многого не успел сделать и сегодня меня больше всего тревожит судьба наследника и то... кто же займёт моё место...

¹¹ Башня замковой церкви (донжон) была самой высокой башней Кёнигсберга и появилась впервые над южной стеной ещё в конце XIV века.

– Обратите внимание на ночное небо, ваша светлость, – ответил на его грустные слова пожилой астролог, – на нём мириады больших и малых звёзд, которые образуют созвездия и туманности, видимые, порой, лишь в оптическую трубу. Но в их скоплении есть небесные тела особенные, путеводные – Полярная звезда, Сириус... И такие люди тоже существуют! А вы – в их числе...

Герцог пристально посмотрел в глаза врача, и понял, что тот ему не льстит.

– ...Вокруг этих звёзд по разным орбитам вращаются иные планеты и спутники – это ваши ученики и последователи. Пусть их орбиты не всегда близки, а яркость различна, но ваш свет, тепло, живительная энергия достигают и меня, и других преданных вам подданных. Мы позаботимся о том, чтобы ваша старость не была печальной...

Сам Альбрехт Фридрих не был похож на своих сверстников из других сословий. Да, излишне молчалив и печален – это заметно. Видимо, сказывалось наличие жёстких рамок, в которые «втиснул» его отец, дабы со временем воспитать образованного, мудрого и справедливого повелителя, настоящего отца для своего народа.

Когда герцог Альбрехт взял за руку сына и впервые подвёл его к Томасу для более близкого знакомства, Волькенштайн склонился в глубоком поклоне, а наследник тихим голосом спросил:

– Так это вы собираетесь меня лечить, доктор?

– Смотря, что понимать под «лечением», ваше высочество. Я не уверен, что вам нужен просто врач...

– Как, разве вам не сказали, что я слабоумен?

Некоторое время доктор находился в замешательстве, не зная, что ответить. «Высокий лоб наследника, форма носа и густые брови свидетельствуют о его способности к ясному мышлению, – мелькнуло в голове Волькенштайна, – и усвоению различных наук. А так же о решительности и целеустремленности... Длинные пальцы рук говорят о хорошо развитых эстетических наклонностях и возвышенных эмоциях». ... Более подробно он смог бы рассказать о его состоянии чуть позже, после исследования холмов и линий ладони, которые наиболее точно предсказывают будущее и рассказывают о прошлой жизни человека...

– Слабоумие не лечится, ваше высочество, – произнёс Томас, глядя прямо в глаза принцу. – Зато «лечатся» неверные слухи и исправляются врачебные ошибки...

«Конечно, он по-своему необычен и даже странен, – думал доктор о наследнике. – Но кто из нас не подвержен странностям? *Quis hominum sine vitiis*¹². Допускаю, что мальчик, порой замкнут, угрюм и даже подавлен... Но и у выдающихся людей, иногда, встречаются такие особенности... Просто они не вписываются в общепризнанные рамки поведения... Ну и что? Это ничуть не мешает им создавать гениальные творения... Но слабоумие? Нет, на первый взгляд, очень сомнительно... Или я сужу предвзято? Не хочу, чтобы подтвердились опасения старого герцога? Что ж, присмотримся ещё»...

– Вы что же, проявляете к принцу врачебный интерес? – прямо спросил доктора лейб-медик Титиус, когда заподозрил первого в повышенном внимании к Альбрехту Фридриху. – Поверьте, это – излишне. Он находится под неусыпным медицинским наблюдением. К его услугам – лучшие и весьма почтенные доктора. – Тут он слегка поклонился, демонстрируя тем самым и собственную значимость.

Выглядел придворный врач, скорее, как монах. Тёмная сутана, чёрная шляпа, выпирающий живот, крючковатый нос на одутловатом лице, кустистые брови, почти закрывающие глаза, делали его похожим на старого, нахохлившегося ворона. Сама беседа происходила в

¹² Кто из людей родился без пороков (лат.).

небольшой гостиной, расположенной в Альбрехтсбау. Стены её украшали полотна Брейгеля Питера Старшего, а также некоторых итальянских мастеров. Потолок гостиной, вероятно, собирались расписывать, но когда начнутся эти работы, пока не было известно.

Рядом с врачами сидел сам наследник. Он был молчалив, грустен и сосредоточенно рассматривал ногти на своих руках. Весь его вид показывал, что ему скучно с присутствующими, и он был бы рад поскорее от них избавиться.

– Да, сударь, – ответил лейб-медику Волькенштайн. – У меня богатая врачебная практика, но я приехал сюда не за этим. Признаюсь, о болезни наследника я узнал на днях, будучи уже в гостях у его светлости герцога Альбрехта... Он посчитал, что я способен предложить что-то более действенное, чем все врачи его светлости.

– Излишняя самоуверенность может вам в этом сильно помешать... – елеинным голоском пропел Титиус. Чувствовалось, что у них начинается словесная дуэль.

– Пока же я могу сказать лишь одно, – невозмутимо продолжил Волькенштайн, – нет верного лекарства от неверного образа жизни! Больному обычно подробно рассказывают о том, как, когда и сколько принимать пилюль, но часто забывают о питании, сне и прогулках... А это, как раз – самое важное!

Как вам известно, я прибыл на торжественную встречу в честь двадцатилетия основания кёнигсбергской Академии. Но, врач – всегда врач: наш долг не знает отдыха...

– Как же вы правы, сударь, – слащаво заулыбался оппонент. – Единственное, что может спасти наследника... или хотя бы оттянуть тот исход, которого мы все боимся, это – отдых среди лесов и полей. Его высочество любит уединение и покой, вот пусть и поживёт в тиши с матерью в замке Нойхаузен. *In pace*¹³. Под нашим присмотром. На данный момент только это пойдёт ему на пользу...

К беседе двух докторов присоединился Якоб фон Шверин, сухощавый господин высокого роста, с круглой лысой головой, крупным носом и выдающейся вперёд нижней челюстью. Его лицу, казалось, была чужда мимика: оно постоянно оставалось отстраненно-безмятежным, лишь в серых глазах улавливалась какая-то грусть. Две глубокие складки у переносицы свидетельствовали о том, что мыслительный процесс учителя и наставника наследника – явление довольно частое и охватывающее продолжительные периоды времени.

– Дорогой доктор, мы наслышаны о вас, как об известном хироманте и астрологе. Не могли бы вы нам рассказать, как данные науки помогают вам в лечении больных?

Волькенштайн был рад вмешательству фон Шверина. От Титиуса исходил такой заряд антипатии, подозрительности и страха, что поддерживать разговор становилось всё труднее.

– Видите ли, сударь, в своей практике я применяю живительные силы природы и действую на пациентов собственной мыслью...

– *Macte!*¹⁴ Но неужели это возможно? Поделитесь с нами, любезный друг, своими премудростями!

Доктор Томас улыбнулся.

– Ошибочно думать, что болезни побеждают только с помощью ланцета, настоек или микstur. При желании и определённом навыке, исцелять можно, подобно нашему Спасителю, словом и силой человеческой мысли...

– Не слишком ли смелое утверждение? – воскликнул фон Шверин.

– Такие способности, – продолжал доктор Томас, – я развивал у себя ежедневными тренировками: часами смотря по утрам на горы, вечером – на воду, а ночами – на свечу... И теперь нисколько не сомневаюсь, что «умными» глазами можно делать всё!

¹³ В мире, в покое (лат.).

¹⁴ Отлично! Прекрасно! (лат.).

– Поясните-ка, сударь, свою мысль, – заинтересовался Титиус, посматривая на коллегу, как инквизитор.

– Через наши зрачки божественная энергия перемещается в двух направлениях, в зависимости от того собираемся ли мы просто рассмотреть и запомнить некий предмет или решили воздействовать на его сущность. Например, совсем не сложно взглядом, усиленным молитвой, остановить кровотечение при порезах, стоит только приказать крови: «Утихни, перестань течь!», и представить, как иглой зашиваешь рану. Для меня не представляет особого труда унять боль, тошноту, головокружение...

– А не в самой ли молитве тут дело? – усомнился собеседник.

– Пусть так. Молитва – неоспоримая целебная сила, но моё зрение помещает её в нужное место. Всякий человек – есть творение Господа: он – вместилище десятков органов и членов, призванных действием или бездействием обеспечивать здоровье своего хозяина. Исследуя их работу, я убедился в том, что эта согласованная и ритмическая деятельность... ни в коем смысле не хаотична, а вполне осмысленна. Другими словами – этим управляет сам Бог! А в случае недуга – Сатана!

В гостинной воцарилась тишина.

– Также я пришел к выводу, – продолжал доктор Волькенштайн, – что большинство болезней возникает у человека от разлада мышления наших внутренних органов. Все они частенько вредничают, точно малые дети, и поэтому обращаться к ним надлежит, как к капризному, но любимому ребенку. Иными словами, к каждому нужно постараться найти свой подход... Таким образом, этим мы поможем нашему Творцу, а он – нам.

Доктора словно забавляло замешательство его учёных собеседников. Он продолжал, и речь его текла тихо, размеренно и уверенно:

– Наиболее восприимчиво к такому «разговору» сердце. Это – очень мудрый, но самый ранимый орган, поэтому убеждать его следует нежно и дружески. А вот почки иногда полезно слегка поколотить... Напротив, кишечник – терпеливый и послушный слуга, зато *hepar*¹⁵ – бестолкова и ленива, посему её надо не ласкать, а пугать, порой даже понуждать, как упрямого вола... Всё это – кирпичики моей теории.

Свою беседу я обычно начинаю с восхваления Господа, затем налагаю руки на нужную область тела и обращаюсь к самому органу: «Проснись и слушай!...», а далее – рассуждаю, увещаваю и приказываю... С вместилищем нашего разума – головой, конечно, всё намного сложнее, ведь она не в меру заносчива и высокомерна, однако, выбрав нужный момент, можно и её попробовать уговорить, успокоить и призвать к порядку... Чем я мог бы заняться в ближайшие дни, если возникнет такая необходимость...

Не стоит забывать и о прекрасном воздействии на здоровье духовной музыки. Она добавляет новые цвета в палитру человеческого сознания. Если мы намерены объединить тело, ум и сердце, то нет лучше способа, чем орган. Его целительные звуки проникают сквозь кожу и производят массаж души... Особенно благотворно сочетание такой музыки с церковным песнопением. Если в тяжелые минуты петь о своих печалях, то душа светлеет и становится мягче. А коль мы собираемся развить у ребенка достоинство и самосознание, ему следует дольше находиться в высокодуховной среде, такой как музыка, которая помогает выйти из этого мира, очиститься и вернуться в него совсем новым человеком...

Только это ещё далеко не всё: я могу лечить и многими другими средствами, например святой водой, воском и ладаном, «горячим» или «холодным» дыханием, но как это правильно делать известно одному мне...

«Ни Титиус, ни фон Шверин, – размышлял после ужина доктор Волькенштайн, – не кажутся мне людьми, чьё воздействие на юного принца столь пагубно, чтобы вызвать у него

¹⁵ Печень (лат.).

симптомы психического расстройства или слабоумия... Но это – на первый взгляд... Что ж, у нас остаются другие подозреваемые – матушка наследника, Анна Мария, да-да, любезный доктор! Не стоит исключать и её! Иоганн Функ, тоже весьма любопытная личность... И сам Скалих... При этом, не стоит упускать из виду и самый неблагоприятный вариант: Альбрехт Фридрих действительно болен! Ведь мне так и не удалось с ним поговорить наедине... А это многое могло бы дать для дальнейших размышлений!»

Этой ночью доктору не спалось. Через приоткрытое окно, откуда веяло сырой прохладой, налетело множество комаров, и Томас устал от них отбиваться. В Замке было тихо. Иногда казалось, что жизнь в нём вовсе угасла, и он остался единственным мыслящим существом на пустынном острове...

Ближе к полуночи слышались раскаты грома, и дождь забарабанил по ставням его мрачной обители. Доктор уже собирался встать и зажечь свечу, когда в спальне послышалось легкое шипение, и внезапно она озарилась светом. Томас тотчас открыл глаза, повернул голову на странный звук и увидел посреди комнаты ослепительно яркий жёлто-оранжевый шар размером в три-четыре дюйма, медленно плывущий от окна к его постели.

«Огонь сатаны!» – с ужасом констатировал Волькенштайн, порывисто сев в кровати и непроизвольно натянув лёгкое покрывало до самых глаз. Прежде ему доводилось слышать, что подобные огненные шары могут вести себя вполне миролюбиво, но могут напасть, обжечь или убить человека, после чего – либо мгновенно растаять, или взорваться с ужасным грохотом. Священники называли их «дьявольским знамением», а люди учёные – «разумными шарами». Говорили, что они обладают способностью «просачиваться» сквозь малейшие щели, появляться, когда и где захотят, и творить, что только вздумают...

Вот и этот ночной гость вёл себя вполне осмысленно: как бы в глубоком раздумье, он немного повисел неподвижно, затем стал кружить над самым полом, с любопытством принохиваясь, подобно собаке. Наконец, он остановился почти у самого лица испуганного врача, словно пытаясь изучить или околдовать его. Бедный доктор ощутил, как капли пота заструились по его щекам, он боялся пошевелиться или даже просто вздохнуть... Странно, но никакого жара при приближении этого пылающего объекта Волькенштайн не ощутил. Однако шипение и гудение внутри шара усилилось, а цвет его сделался почти красным. Время словно остановилось. Перед глазами Томаса всё поплыло, жутко заболели виски, как если бы их стянул тугой обруч.

Шар медленно поплыл к двери. Доктор в отчаянии схватился руками за голову, и тут... внутри неё прозвучал чей-то властный голос: «Следуй за мной!» Не в силах ему противиться, Волькенштайн, как был в колпаке и длинной ночной рубаше, будто зачарованный, безропотно последовал за таинственным пришельцем, который продолжил своё движение по коридорам Замка...

После нескольких поворотов и коротких лестничных переходов, огненный гость внезапно вспыхнул и растаял в воздухе. На некоторое время воцарилась полная тьма, в которой глаза доктора, привыкшие к яркому свету, ничегошеньки не могли различить, однако головная боль стихла и к Томасу вернулась способность мыслить.

«Святые угодники! Если бы кто-то другой рассказал мне эту историю, то я бы ему не поверил, – было первое, о чём подумал он, потирая слезящиеся глаза. – Вот бы развесить такие штуковины под сводами нашего Замка. Стало бы светло, как днём»...

Вскоре доктор смог различить узкую полоску света, пробивающуюся из-под массивной двери, и обнаружил, что стоит напротив замковой библиотеки. Он потянул за массивное медное кольцо, дверь отворилась. И вот, что он увидел...

«Слабоумный» мальчик сидел в полутьме на полу, держа в руках какую-то книгу. Подсвечник был установлен на одном из свободных стеллажей. Взгляд Альбрехта Фридриха

был устремлён не на книжные листы, ибо при таком освещении невозможно было разобрать буквы. Принц смотрел куда-то вдаль, он словно видел через стену что-то далекое и... прекрасное. Блики огня отсвечивали в его глазах, делая взгляд наследника искрящимся и каким-то... бесовским. А губы тронула грустная улыбка. Поневоле у доктора на голове зашевелились остатки волос, а сердце бешено застучало...

Тем не менее, Томас Волькенштайн сделал несколько шагов к мальчику.

– Если ясновельможный пан собрался читать, – произнёс он тихо, но внятно по-польски, – то ему необходимо добавить немного свечей...

Медленно, бесконечно медленно поворачивалась голова принца к доктору.

– Не извольте беспокоиться, сударь. Иногда размышления заменяют чтение...

Ответ был произнесён на чистейшей латыни!

«Кёнигсбергский университет по праву считается детищем герцога Альбрехта. Именно поэтому после смерти своего основателя храм науки получил его имя. Учебное заведение стало называться ласково – Альбертина.

Самые просветлённые умы Европы учились и преподавали здесь...

Но так же, как всё прекрасное и высокое, он притягивал в свою обитель самое мерзкое и отвратительное...»

Глава 3. «Диагнозы» доктора Волькенштайна

Доктор Томас усмехнулся, вспомнив вчерашнюю беседу с лейб-медиком Титиусом и фон Шверинем, когда он рассказал им о своём методе лечения. Если первый счёл всё сказанное им ересью и невежеством, а сам надулся, став похожим уже не на ворона, а на индюка, то второй искренне заинтересовался.

– Где вы научились этим премудростям? – улыбаясь, спросил философ. – Воистину, такой подход к лечению больных органов весьма оригинален!.. Впрочем, мне думается, что он не лишён смысла. Доброе слово всегда успокаивает и несёт в себе божественную силу. А укор или упрёк – побуждает к действию! Не хотите ли, доктор, выступить с докладом на нашем медицинском факультете? Магистр Кристофорум Невиус мог бы посодействовать вам в этом!

– Я много путешествовал, – уклончиво ответил Волькенштайн. – Довелось побывать и на Востоке... И раз уж я прибыл на празднование Юбилея нашей Академии, то наверняка пообщаюсь с ректором и профессорами. Думаю, будущим медикам будет полезно узнать о тех методах лечения, которые не практикуют в традиционной медицине.

– От всего этого пахнет ересью и колдовством, – нахмурился Симон Титиус. – *A propos!*¹⁶... Как долго нужно развивать это... такое... умение? – недоверчиво спросил он.

– Всю жизнь, уважаемый доктор. Но первых результатов можно добиться уже через год тренировок. Всё в руках Господа... Это также зависит от силы вашего духа и желания помочь ближнему... *Barba philosophum non facit!*¹⁷

«*Parvo contentus*¹⁸, приведу некоторые результаты проведённых исследований, – записал вечером в своём потайном свитке доктор Томас, – и поставлю диагнозы отдельным лицам из близкого окружения наследника, которого подозревают в душевном нездоровье и слабости. Пусть Господь поправит мои мысли, если я в чём-то ошибусь...

*Diagnosis*¹⁹ 1. Фон Шверин. Мыслящий человек, приверженец весьма передовых взглядов. Умеет развивать мышление ученика и способствовать постижению наук... Благодаря его стараниям, наследник прекрасно владеет польским и латынью... Поразительно... Сам превелико учён, но более тяготеет к античному вольнодумию, чем к католическим догмам. Способен ли он внушать мальчику сомнение в собственной уравновешенности и здравомыслии *pro domo mea*²⁰? Весьма сомнительно...»

«*Diagnosis* 2. Симон Титиус. Как врач, возможно, имеет определённые познания и опыт. Но доброму слову предпочитает острый ланцет. Подозреваю, в его душе таится страх, который передаётся и принцу... Лейб-медик чувствует, что делает что-то не то, но кто-то, видимо, заставляет его поступать именно так... Словом, тут ещё много непонятного».

Прошлой ночью, удивительным образом оказавшись возле библиотеки, доктор Волькенштайн обнаружил в ней наследника. Обратившись к нему на польском языке, он услышал чёткий ответ на хорошей латыни, что весьма удивило врача. Не задавая лишних вопро-

¹⁶ Кстати (лат.).

¹⁷ Не борода создает философа (лат.).

¹⁸ Довольствуясь малым (лат.).

¹⁹ Диагноз (лат.)...

²⁰ В личных интересах (лат.).

сов, доктор Томас подошёл к мальчику и осторожно взял его маленькую ладошку. Тот не отдернул руку, не отшатнулся, не закричал. Посветив себе свечой, пожилой хиромант изучил узоры на ладони наследника и, не проронив ни слова, удалился в свои покои.

«*Diagnosis 3.* Альбрехт Фридрих. Фигуры на холме Сатурна обнаруживают бережливый, задумчивый, склонный к меланхолии характер. Дугообразные полосы на холме Луны указывают на уединённость, мечтательность и склонность к мистике... А вот крест и звезда предвещают незаслуженные преследования и грозящую жизни опасность. Но его линия счастья в своём начале и конце имеет разветвления, и это означает победу над всеми врагами. Линии Юпитера и Венеры говорят о том, что он встретит настоящую любовь, от которой родится много детей. Жизнь он проживет долгую, здоровую и невозмутимую, а умрет тихо и естественно...

Пока ясно лишь одно: где-то неподалёку затаился враг, который упорно раздувает слухи о слабоумии наследника. Сам мальчик сильно напуган, а о своих страхах и сомнениях ему некому поведать... Врачи, учителя и воспитатели упорно твердят о болезни принца (в такой ситуации точно можно свихнуться!), видимо, они выполняют чьё-то задание...

Что же в итоге я узнал? Над ними всеми стоит кто-то могущественный и беспощадный, жестокий и хитрый, готовый нанести смертоносный удар! Когда? Возможно, сразу же после смерти самого герцога!.. Кто этот человек? Думаю, что не стоит искать изменника где-то на стороне: он обычно среди самых близких! Дайте мне ещё немного времени, дружище Альбрехт, и я найду его, не будь я великий маг и целитель Томас Волькенштайн! *Procul negotiis!*²¹».

Утром 16 августа доктор Волькенштайн совершил небольшую прогулку по городским кварталам. По тем местам, которые он давно уже не посещал. Целью его было побродить по знакомым улицам трёх городов²², слиться с местным разношёрстым населением и привести в порядок свои мысли.

Сам Замок Кёнигсберг и прилегающие к нему города-побратимы готовились к празднику двадцатилетия кёнигсбергской Академии, что стало событием, важным для всех сословий. Южное крыло Замка, выстроенное в 1551–1553 годах Кристофом Ремером и Андреасом Хессе, имело длину почти двести локтей. Своими изящными балюстрадами, балконом-садом, оригинальным входом и громадной каменной чашей, наполненной водой, оно производило сильное впечатление на жителей Кёнигсберга. Многие из них почтительно внимали шляпу перед этим архитектурным творением и осеняли себя крестом.

Расположенный за южным крылом Крепости, самый старый город, и носящий соответствующее название – Альтштадт, как всегда был оживлён. Много народа толпилось возле церкви святого Николая. Сюда и зашёл доктор Томас, чтобы поведать Господу о своих сомнениях и получить доброе напутствие. Тем более что как раз началась служба.

Внутренне убранство этой лютеранской церкви, как обнаружил Волькенштайн, выглядело значительно проще, нежели у католических, например, польских храмов. Нет разукрашенных фигур ангелочков, не бросается в глаза пышная роскошь... Не было свечей и изображений святых на довольно скромном алтаре, возле которого располагалась чья-то гробница...

²¹ Прочь неприятности (лат.)

²² Замок Кёнигсберг и три прилегающие к нему города: Альтштадт, Лёбенхте и Кнайпхоф объединились в город с общим названием «Кёнигсберг» в 1724 году.

Выйдя из церкви, доктор Томас машинально сунул мелкую монетку в руку женщины, которую сотрясали приступы кашля, пожалев её чумазных ребятишек, копошившихся рядом в изодранной одежде, напоминающей лохмотья.

От госпитальной кирхи «Святого духа» до капитула и городской ратуши на домах весели флаги с гербом Альтштадта. Возле Лавочного моста, соединяющего Альтштадт и Кнайпхоф, скопилось множество повозок. Пахло рыбой. Галдёж покупателей и торговцев напоминал крики голодных чаек, когда им бросают мелкую рыбёшку.

Доктор Томас, вдоволь насмотревшись на придворную публику и чувствуя всё нарастающее отвращение к высокомерным канцлерам, надутым гофмаршалам, важным священникам и прочей дворцовой челяди, включая чопорных фрейлин герцогини и лакеев, решил развеяться среди обычного городского люда. Ему нравилось не спеша бродить по городу, слушать слащавые крики зазывал, споры лавочников с покупателями, ругань извозчиков, чьи экипажи не могут разъехаться в узком проходе между домами, смех и весёлые голоса студентов и... даже брань между пожилыми супругами...

В раскрытые окна лавок выглядывали торговцы, приглашая заглянуть к ним; одни предлагали ткани, хвалясь их изяществом и добротностью, другие гремели кухонной утварью, третьи выставляли клетки с заморскими птицами, крикливыми и разноцветными. Один, совсем ещё молодой парень, едва не выпал из окна своей лавки, показывая юной горожанке модную флорентийскую шляпку.

Со стороны реки, где располагались торговые ряды, раздавался гогот гусей, кудахта-нье кур и визг поросёнка. Всё это сопровождалось озабоченными призывами лавочников и весёлыми шутками прохожих.

С восточной стороны города через вытекающий из Замкового пруда ручей Лёбе-бах, который служил и крепостным рвом, был расположен Лёбенихт – город-побратим Альтштадта. Туда и направился Томас Волькенштайн, дыша полной грудью и чуть заметно усмехаясь, глядя на городское столпотворение. Ему было невдомёк, что от самых ворот Замка за ним следует невзрачный человек, одетый так же, как и большинство горожан. Правда, своё лицо он скрывал широким капюшоном. Его осторожная поступь и некоторая суетливость усиливали впечатление, что этот человек старается оставаться незамеченным для преследуемого им господина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.